

Подполье начинает действовать

В январе этого года газета «Вперед» опубликовала главу из документальной повести В. Лукина «Подпольщики». Глава называлась «Это было в Должино». В ней рассказывалось о партизанах деревни Должино, которые несмотря на фашистский террор, оставались советскими людьми, поднялись на борьбу с врагом.

Предлагаем вниманию читателей новую главу из повести В. Лукина. Она рассказывает о связях Васькина с партизанским краем, о деятельности Городецкой подпольной группы.

ВАСЬКИН шел лесной тропинкой, вслушиваясь в тишину. Вот-вот должно было появиться поле, а за ним деревня Должино. В ней он рассчитывал переночевать, встретиться с подпольщиками, а утром уйти в белебелковские леса для установления связи с командованием 2-й Партизанской бригады. Наконец кусты кончились, и он увидел впереди ржаное поле. Оно растекалось от самой кромки леса, светло-желтое, колышающееся под легким ветром, вплоть до видневшейся метра в трехстах деревни. Павел Афанасьевич остановился. Не выходя из кустов, стал внимательно вглядываться вперед. На первый взгляд, все казалось обычным: ни людей, ни животных на улице не увидел. Вот вдалеке он заметил приближающуюся к деревне крытую брезентом большую автомашину. Клубы серой пыли высоко поднимались вслед за ней по дороге. Машина, въехав в деревню, остановилась около двухэтажного здания школы, стоящего на окраине деревни. Сразу же из-под брезента, как горох, высыпали немецкие солдаты. Они гурьбой направились к школе, стряхивая на ходу с себя пыль.

«Да, с этого конца в деревню войти незамеченным не удастся», — подумал Васькин и решил попытаться подойти к ней с другой стороны, где ольшаник вплотную упирался в огороды. Через них он смог бы никак не замеченным добраться до явочной квартиры, устроенной в доме Василия Еремеева. Он бывал в этой деревне уже не раз, гостил у Еремеева до прихода гитлеровцев. С ним подружился еще тогда, когда работал в Славитинском сельпо. Васькин хорошо знал и подходы к деревне, поэтому шел в обход уверенно. Но не спокойно у него было в тот час на дуже: идет вторая неделя, как фашисты оккупировали район, а он все еще не установил связь с районным партизанским отрядом, в котором должен был находиться секретарь райкома Анисимов — ответственный за руководство партизанским и подпольным

движением в районе. Казалось, все было заранее оговорено и учтено до мелочей — назначены дни, часы и место встречи со связными. Но сколько Васькин ни ждал в условленном месте, а связного все нет и нет. «Неужели провал?» — эта мысль не давала ему покоя, сверлила голову, заставляла вспоминать все подробности, каждую мелочь по созданию подпольной организации. Но он не находил какой-либо допущенной ошибки. «Нет, тут что-то другое, провала не должно быть», — успокаивал он себя, пробираясь через кусты к огородам.

... И хотя Васькину еще не удалось установить связь с районным партизанским отрядом, подполье под его руководством начало действовать. Уже в первые дни оккупации района подпольщики вручную разможили и распростирали во многих деревнях воззвание руководителей обороны Ленинграда, в котором говорилось: «Дорогие товарищи, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы и все работники интеллигентного труда! Орды фашистских разбойников временно захватили часть советской земли, немецкие фашисты грабят наше добро, насилуют наших жен и сестер, обездоливают наших детей, разрушают домашние очаги...»

Воззвание напоминало, что враг коварен и хитер. В одних районах фашисты сразу же набрасываются на советский народ и его добро, в других заигрывают с населением, пытаются усыпить бдительность. Не поддаваться унынию, а собрать все силы и мстить гитлеровским бандам.

«Организуем партизанские группы и отряды, захватывайте оружие и боеприпасы у врага, беспощадно уничтожайте его днем и ночью из-за угла и в открытом бою».

И местное население откликнулось на этот призыв. Молодые мужчины и парни, не успевшие эвакуироваться на восток, собирали на поле боя оружие, прятали его в надежных местах, объединялись в группы. Из этих патриотов и удалось

подпольщикам создать два партизанских отряда — один в Славитинском сельсовете, другой — в Старском, а также две боевые группы, в которые входили и подпольщики. Эти группы состояли из 3-4 человек каждая, им ставилась задача уничтожать предателей, а также фашистских руководителей района, если такая возможность появлялась. С боевыми группами Васькину все было ясно, но с партизанскими отрядами у него возникла масса трудностей: партизаны были плохо вооружены, некоторые не имели даже винтовок, в каждой же деревне размещались фашистские войска, а в районе не было крупных лесных массивов, в которых можно было бы укрыться от преследователей. Да и опыта ведения партизанской войны ни у кого не было. Расчет на то, что как только установится связь с руководством района, вновь созданные отряды волеются в районный партизанский отряд, имеющий оружие и свои базы в лесу, не оправдался. Чтобы сохранить людей до установления связи с районным или областным комитетом партии, Васькин дал команду припрятать оружие, днем вместе с местным населением выходить в поле на уборку урожая и там же призывать односельчан убранный хлеб не сдавать фашистам, а делить его по трудодням и надежно прятать. Выходы в поле и посещение соседних деревень использовать для сбора разведывательных данных о враге. Ночью же собираться группами, уничтожать фашистскую связь, поджигать склады, а также распространять листовки...

Лишь после того, как будет установлена связь с руководством 2-й Партизанской бригады, Васькин узнает, что Волотовский районный партизанский отряд, а вслед за ним и руководящие работники района, в день оккупации фашистами райцентра ушли не в лес, как было запланировано, а отступили на восток вместе с частями Красной Армии, и что вся ответственность по руководству подпольным партизанским движением в районе целиком легла на его плечи, как уполномоченного Ленинградского обкома партии в данном районе.

(Продолжение следует).

Подполье начинает действовать

(Продолж. Нач. в № 43)

...Ленинградская партийная организация с момента вторжения фашистских войск на территорию области стала фронтовой, воюющей. Сложная боевая обстановка потребовала от партийных организаций прифронтовых районов большой выдержки, собранности, по-военному четких решений, предельной оперативности в действиях. Подавляющее большинство секретарей и работников райкомов, партийных активистов встало, как говорится, на колеса. Дни и ночи они ездили по селам и деревням, собирали людей, изыскивали средства для выполнения неотложных дел. А дел навалилось невпророст. Следовало мобилизовать жителей на рытье окопов и строительство огневых точек, организовать подвоз войскам продовольствия и боеприпасов, вывоз раненых, обеспечить охрану населенных пунктов и линий связи, на ликвидацию фашистских лазутчиков. Надо было формировать партизанские отряды, закладывать лесные базы, эвакуировать население, отправлять в тыл ценное имущество, хлеб, скот...

Выполнению этих дел, диктуемых войной, коммунисты отдавали себя целиком, проявляя беззаветную преданность партии, высокую организованность и сплоченность. Буквально до последнего часа — на посту руководители Старорусского райкома партии во главе с секретарями С. М. Глебовым, Н. А. Волковым и А. П. Лучиным; Поддорский нелегальный райком партии возглавили Г. П. Ермаков, И. А. Ступаков и П. А. Дуракин; Белебелковский — Н. Н. Седов и Н. А. Сергачев. И так было почти везде.

Лишь в одном районе — Волоотовском — партийные и советские руководители поддались панике, выехали в тыл. Обком квалифицировал такое поведение как дезертирство и исключил из партии секретаря райкома и председателя райисполкома.

УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ

...ПЕРВОГО августа 1941 года около сотни вооруженных партизан начали продвигаться от Старой Руссы в Полистовские леса и Рдейские болота Белебелковского района — к месту их будущих действий. Это шли бойцы вновь созданной 2-й партизанской бригады. Вел их комбриг Николай Григорьевич Васильев — кадровый политработник и комиссар Сергей Алексеевич Орлов — секретарь Порховского райкома партии, член Ленинградского обкома ВКП(б). Оба хорошо знали район, где предстояло действовать бригаде. Н. Г. Васильев — родом из Валдайского района, в молодости, будучи комсомольцем, принимал активное участие в коллективизации местных сел и деревень. С. А. Орлов несколько лет был здесь на партийной работе, возглавлял крупнейшие организации.

Растянувшись цепочкой, народные мстители шли осторожно через бескрайние, величественные леса, бесконечные топи и болота, обходя стороной деревни, раз-

бросанные и затерянные в дремучих чащах. Как только прибыли в назначенное место, сразу же установили контакт с действующими в окрестных лесах партизанскими отрядами. За короткий срок вокруг 2-й бригады объединились партизаны Белебелковского, Поддорского, Дедовичского, Дновского и других районов. Взяв командование над присоединившимися отрядами, Васильев и Орлов каждому из них определили сектор деятельности. Большое внимание уделяли разведывательной и пропагандистской работе в тылу фашистских войск. С Волоотовским подпольем штаб партизанской бригады установил тесную связь. Орлов лично встречался с Васильевым, помогал ему советами, ставил задачи.

Вот и в этот вечер, когда Павел Афанасьевич прибыл в бригаду для встречи с Орловым, его привели в штабную землянку. Расположена она была в еловом лесу. Крышей служил бревенчатый двойной накат, замаскированный сверху мхом. Внутри землянки стояла железная печка, на которой пофыркивал запертый металлический чайник. Вдоль бревенчатых тесаных топором стен стояли грубые, вытесанные из плах скамейки, а у окна — большой стол, с разложенными на нем картами, чернильницей и керосиновой лампой. На балке, поддерживающей потолок, на гвоздях висели автоматы, как наши, так и трофейные. Задняя часть землянки была отгорожена плащ-палаткой. Один ее угол откинулся и были видны деревянные нары.

— Приказано подождать здесь, — сказал сопровождавший Васильева партизан и сел у двери на лавку.

Прошло несколько минут. Дверь отворилась, и в землянку вошли двое. Одно Васильев хорошо знал. Тот, что был пониже ростом, с зачесанными назад волосами, подвижный и энергичный, — Орлов, а второго видел впервые. Был он выше Орлова, по-военному подтянут, серьезен, с большим открытым лбом и умными, внимательно смотрящими глазами.

Здороваясь, он представился: «Васильев».

Васильев понял — это командир бригады. Как только вошли командиры, партизан встал и вышел из землянки. Все трое сели к столу.

— Как идут дела? В чем нуждаетесь? — спросил Орлов.

— Выполняя вашу просьбу по сбору сведений о фашистских войсках, мы разбили район на участки, закрепили за ними своих людей. Теперь передаем самые точные и свежие сведения о гитлеровцах. Продолжаем устанавливать связи с оставшимися в районе коммунистами, комсомольцами и другими советскими патриотами.

— А они, что, о себе дают знать? — спросил Сергей Алексеевич.

— Да, конечно. Например, в Окрееве появляются листовки, а в деревне Вязовня кто-то убил немецкого холода — старосту Уварова, там

На снимке: Г. Х. Бумагин. В годы Великой Отечественной войны он работал секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), был одним из организаторов подполья на временно оккупированной врагом территории Ленинградской области. Григорий Харитонович лично инструктировал и направлял П. А. Васильева в Волоотовский район для создания в нем подпольной организации. В 1944 году ЦК ВКП(б) направил Г. Х. Бумагина в Новгородскую область, где он был избран первым секретарем обкома партии. В настоящее время Г. Х. Бумагин — персональный пенсионер, председатель ленинградского совета ветеранов партизанского движения.

На снимке: Павел Афанасьевич Васильев — руководитель Волоотовской подпольной организации.

же сожжен немецкий склад с зерном. Я посылал в эти деревни своих людей для установления контактов с этими патриотами.

— Правильно сделали! — поддержал Орлов. — И нужно разыскать их раньше, чем нащупают немцы. Нам стало известно, что фашисты усиленно насаждают свою агентуру во всех населенных пунктах. Это очень опасно. Учтите... — Мы также решили приступить к уничтожению

(Продолжение следует).

Подполье начинает действовать

(Продолж. Нач. в №№ 43, 47)

— Решение правильное, но не делайте этого сами, — предостерегающе заметил Васильев. — Если вы будете вести пропагандистскую, агитационную работу, собирать сведения о враге, да еще и уничтожать предателей, фашисты быстро вас нацупают. Вы наши глаза и уши в стане врага, и мы очень дорожим каждым из вас. Давайте лучше договоримся так: если надо будет кого-то из предателей убрать, сообщите нам. Мы вышлем на время в ваше распоряжение группу партизан. Пусть они и уничтожают эту сволочь. Договорились?

— Ваш совет, конечно, очень хорош, — согласился Васькин, — только что же будут делать наши партизаны?

— А они у вас что — тоже имеются? — с интересом спросил Васильев.

— Да. Мы создали два отряда и две группы.

Васильев с Орловым переглянулись.

— А где сейчас действуют эти отряды и группы? — с интересом спросил Васильев.

— Днем, как и все население, работают в поле, собирают разведывательные данные, ночью же уничтожают связь, распространяют листовки. Нападать же на воинские части нам еще не приходилось: в районе мало лесов, а в каждой деревне стоят крупные немецкие гарнизоны. Хотелось бы по этому поводу посоветоваться с вами...

— Я понял, что в этих отрядах и группах состоят и подпольщики? — спросил Орлов.

— Да, — подтвердил Павел Афанасьевич.

— Так вот: есть указание все мелкие отряды и группы объединить под командованием нашей бригады. Поэтому предлагаю нужных людей для подпольной работы оставить у себя, а остальных направляйте к нам.

Подумав, Васькин твердо сказал: — Согласен.

— А что говорят в районе о партизанах? — спросил Васильев.

— Немцы стараются внушить населению, что в лесу скрываются бандиты, которых они скоро всех уничтожат. Народ же им не верит: во многих семьях кто-нибудь партизанит.

— Скоро нас уничтожат? Ну это мы еще посмотрим, — усмехаясь, сказал Васильев, в его словах чувствовалась уверенность человека, знающего цену своим словам.

— Первые успехи у нас

уже имеются: бригада возросла численно в несколько раз, отвоевываем не только отдельные деревни, но и целые сельсоветы. Местное население поддерживает нас, Верно, и трудностей у нас немало. Не хватает оружия и боеприпасов, разведка еще «хромает». Мы надеемся, что вы будете поставлять нам сведения не только по Вологовскому району, но и по соседним с вами сельсоветам Дновского и Старорусского районов. Нужно сделать так, чтобы мы о фашистах здесь знали все. Тогда они не смогут напасть на нас неожиданно.

Подумав, Васькин пообещал:

— Постараемся. Связи у нас и там имеются...

— Ну вот и отлично, — поддержал Орлов и, обращаясь к Васькину, спросил: — Просьбы к нам имеются?

— Да, нужно отправить докладную Буматину, — и Васькин протянул Орлову несколько листов, исписанных убористым почерком.

В докладной сообщалось: «...Немцы появились в районе 26, а захватили райцентр 28 июля. Сразу же начали грабить население. Забирали кур, гусей, свиней и телят, а в деревнях, где они стояли продолжительное время, отобрали коров и хлеб...»

За любое непозволение фашисты расстреливают мирное население... За истекшее время члены подпольной организации распространили около 10 тысяч листовок на русском и немецком языках...

В беседах с жителями мы говорим, что захват немцами советской земли — временное явление, призываем прятать продукты питания, чтобы не достались немцам...

По моему заданию Должинская группа (руководитель Иванов) уничтожила немецкую телефонную линию от деревни Славитино до деревни Дубовец (почти на 15 километрах).

...Вместе с Савельевым из группы Старо ходили в разведку вплоть до Волота, где обнаружили немецкий штаб дивизии. Эти сведения помогли нашей авиации разбомбить этот штаб...

Пока еще не установлена связь с Реченской, Пуковской и Дерглицкой подпольными группами, так как в этих селах стоят крупные воинские части...

На 13 августа в организации имеется 7 подпольных групп. В них — 26 человек: 17 коммунистов и 9 беспартийных. Работу по привлечению советских патриотов в подпольную организацию продолжаем...

С товарищеским приве-

На снимке: Николай Григорьевич Васильев — Герой Советского Союза, командир 2-й партизанской бригады.

На снимке: Сергей Алексеевич Орлов — комиссар 2-й партизанской бригады.

**НАДЕЖДА
ИВАНОВНА
КОЗНИНА**

На ЯВОЧНОЙ квартире в Должино Васькин вел бес-

седу с руководителем Должинской подпольной группы Александром Ивановичем Ивановым. В это время в дом зашла Надежда Ивановна Кознина. Она была родной сестрой Иванова, так же, как и он, — под-

польщица, руководила Городицкой группой.

Надежда Ивановна, среднего роста, красивая и опрятная женщина лет двадцати восьми, со спокойным уравновешенным характером, до войны работала учительницей в Городицкой неполной средней школе. Жила с четырехлетней дочерью в деревне Подостровье. Ее муж — Михаил Георгиевич, тоже учитель, в первые же дни войны ушел на фронт, Командовал гаубичной батареей. Лишь один фронтовой треугольничек получила от него жена, а затем связь оборвалась: район захватили немцы.

Поздоровавшись с пришедшей, Васькин спросил у нее:

— Надежда Ивановна, в Волоте и Рно фашисты устроили лагерь военнопленных. Какие связи ваша группа установила с пленными?

— А зачем с ними устанавливать связь? — вопросом на вопрос ответила она. — Они же струсили и сдались...

— Отчасти вы правы, но надо иметь в виду, что среди пленных много советских патриотов, готовых бежать из лагеря и с оружием в руках искупить свою вину. Но они не знают, как это сделать и куда бежать. Да и что-то их удерживает от этого шага. Необходимо все это выяснить, разобраться, наиболее преданных нам направлять в лес к партизанам. Для этой цели у меня имеются листовки-обращения к пленным красноармейцам. Их нужно передать в лагерь военнопленных в надежные руки. Это дело поручаем вам. — И Васькин, достав из кармана пачку листовок, протянул их Надежде Ивановне.

— Я о пленных как-то еще и не думала, — неуверенно ответила Кознина, беря листовки, — не знаю, с чего и начинать.

— Сейчас многие женщины ходят к этим лагерям и к местам работы военнопленных, — стал рассказывать Павел Афанасьевич, — они интересуются, нет ли среди них их мужей, родственников или знакомых. Вы к ним и присоединяйтесь. Ваш муж на фронте. Так ведь?

— Да, но я уверена, Михаил не сдастся и его искать в лагерях бесполезно, — твердо ответила Надежда Ивановна.

— Это хорошо, что вы уверены. Но для дела придется прикрыться этой версией. Вы меня поняли?

Кознина утвердительно качнула головой.

(Продолжение следует).

Подполье начинается действовать

(Продолж. Нач.
в №№ 43, 47-49)

...На другой день Надежда Ивановна с утра была на станции Волот. Здесь, присоединившись к группе других женщин, пошла с ними к месту работы военнопленных. Оборванные, истощенные и грязные, они рузили на платформы металлолом. Несколько охранников с автоматами на груди стояли поодаль, наблюдая за погрузкой, на женщин внимания не обращали: по-видимому привыкли, что они ежедневно приходят сюда.

Вот, загрузив платформу, пленные получили минуту отдыха, некоторые, наиболее слабые, тут же на спалах улеглись на спину и, закрыв глаза, отдыхали, другие направились к женщинам: они надеялись разжиться у них чем-нибудь съестным.

Увидев подходивших, Надежда Ивановна неестественно громко выкрикнула:

— Кознина Михаила из Городец нет в вашем лагере?

Никто ей не ответил. Только один высокий блондин лет двадцати четырех

пошел и глухо сказал:

— Моли бога, хозяйка, что твоего нет среди нас... Ему, может, повезло, и он еще воюет... А мы, видишь сама... — И он, показав ей свои избитые в кровь руки, с горечью добавил: — Будь проклят тот день, когда я поднял их над головой...

В его голосе, в мимике лица Надежда Ивановна почувствовала такую горечь, боль и раскаяние, что сразу поняла — это один из тех, кого ей поручено найти.

— А что же ты не уйдешь в лес? Ведь охрана-то пустяковая, — тихо спросила она у него.

— А куда нам идти-то?

— уже зло ответил блондин и его лицо при этом исказилось как от зубной боли. — Здесь заживо сгниешь, а к своим придешь сразу к стенке поставят.

— Кто тебе это наговорил? — еще тише спросила Кознина.

— Недавно нам комендант лагеря приказ Сталина зачитал, в нем говорится, что все славящиеся в плен красноармейцы и офицеры считаются предателями Родины и подлежат расстрелу. Кстати, четверо наших сбежали в лес, их

всех расстреляли партизаны, согласно этому приказу...

— Это же все вранье, что ты сейчас мне рассказывал, — вско, спокойно ответила Надежда Ивановна.

— А откуда вам это известно? — недоверчиво спросил блондин.

— Я вчера сама читала листовку, сброшенную с нашего самолета, в ней призывают всех красноармейцев и офицеров, попавших в плен, бежать из лагерей в лес к партизанам. Вас там ждут...

— Не верю, — с надеждой в голосе прошептал солдат. — Вот если бы мне эту листовку дали самому прочесть...

— Я схожу сегодня же в поле, постараюсь найти их, завтра принесу.

— Вот спасибо! Буду ждать, — оживившись, с радостно заблестевшими глазами заверил парень, — вы даже не догадываетесь, как это важно для меня!

— А ты пока присмотришься к другим. Может такие же, как и ты, еще найдутся. Но будь осторожен. Завтра, если я найду листовки, вложу их между горбушками хлеба, так что ты их сразу не ешь и не ломай.

... Васькин пошел к дому Ивановна уже под вечер. Постучался.

— Заходи, заходи, — распахивая дверь, приветливо пригласил в дом гостя хозяин и, поздоровавшись, проговорил: — Один гость хорошо, а два лучше...

— А у тебя кто?

— Сестра, Надежда.

Надежда Ивановна пришла к брату посоветоваться по делам группы да и по личным вопросам. Увидев, входящего в комнату Васькина, она встала из-за стола, поздоровавшись сказала:

— А вы легки на помине. Мы только что вас вспоминали.

— В чем дело? — заинтересовался Павел Афанасьевич.

— Праздник Октября приближается. Вот и думаем, как лучше его отметить.

Васькин, повесив пальто и шапку на вешалку, подошел к столу и, усаживаясь на стул, предложил:

— Давайте сообща и обсудим этот вопрос, — и, обернувшись в сторону Ивановна: — Как твоё мнение, Александр Иванович, насчет праздника?

— Думаю, подготовить побольше листовок, посвященных этой дате, и рас-

пространить — это раз. Вот вторых, уже сейчас вести среди населения агитацию, чтобы в праздничные дни никто на работу не выходил...

— Надо бы и торжественные вечера как-то провести, — подсказала Кознина, — собираться бы под видом посиделок и потолковать...

— Ну что же, я с вами полностью согласен, — поддержал их Васькин, — листовками я вас обеспечу. Распространяйте их не в праздничные дни, а заранее, да и вечера-посиделки тоже проводить лучше бы пораньше, пока фашисты не спохватились. Продумайте, кто и что будет на них говорить, кого пригласить. Лучше пусть будет на них немного народу, но чтобы все — надежные... А теперь вот какое дело. Партизанам требуются маскировочные халаты. Чем мы можем помочь?

— Есть у меня надежная портниха — Анна Кузьминична Занина, да и я ей могла бы помочь, — подумав, ответила Кознина, — но белого материала сейчас не достать.

— Об материале моя забота, — заверил Павел Афанасьевич, — в ближайšie дни пришло вам простынь, из них и шейте. Как будут готовы, немедленно дайте мне знать. Да! Надежда Ивановна, как дела с налаживанием связи с пленными?

— Связь наладила, — И Кознина подробно рассказала о своих походах к лагерям военнопленных.

— Вы молодец! — похвалил ее Васькин. — Теперь расскажите им, что на границе района действует партизанский отряд, состоящий из окруженцев и бывших военнопленных. Командует им офицер Красной Армии. В этот отряд и нацеливайте людей. Маршрут, по которому они должны идти, прошу запомнить...

К этому времени Васькину удалось установить связь с действующим в Партизанском крае отрядом «Храбрый», созданном из красноармейцев, командиров и политработников, бежавших из плена или пробивавшихся к своим из окружения. Командовал этим отрядом подполковник Юриев М. Я., начальником штаба был старший политрук Тимачев Б. С. В своем составе имел три взвода и один орудийный расчет.

(Оконч. следует).

На снимке: Надежда Ивановна Кознина — руководитель Городецкой подпольной группы. Расстреляна фашистами в феврале 1942 года. Награждена орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Подполье начинает действовать

(Окончание. Начало в №№ 43, 47-50)

Отряд успешно уже участвовал в налете на станцию Плотовец. Верно, его бойцы были плохо вооружены и долгое время занимались поисками оружия и боеприпасов. В этом им оказывало помощь местное население, а также волотовские подпольщики.

... Зима 1941 года выдалась ранней и суровой. Уже в ноябре мороз крепко сковал землю, заporошил ее снегом. Наступило трудное время для партизан и подпольщиков. Военный комендант Гефарт, желая как-то помешать партизанам и подпольщикам общаться с населением, издал приказ, в котором жителям деревень и поселка запрещалось после двух часов дня входить и выходить из населенных пунктов. В конце приказа стояла неизменная приписка: «За нарушение приказа — расстрел!»

Васькин знал об этом приказе, поэтому в деревню Подостровье пришел в полдень. Улица была пустынной. Разглядев дом Козниной, подошел к двери, постучался. Хозяйка, открыв дверь, пригласила в дом:

— Заходите, пришли как раз к обеду.

— Не откажусь, — весело ответил Павел Афанасьевич и, сняв полушубок и шапку, потирая озябшие руки, подошел к столу.

— Ши из хряпы — будет есть?

— С удовольствием!..

— Только, учтите, без мяса.

— Ничего, для меня это все равно то, о чем мечтаю: последнюю неделю ничего горячего не видел.

Надежда Ивановна, налив в тарелку шей, положила Васькину на колени чистое полотенце, села рядом с дочерью.

Четырехлетняя Люда, только что пообедавшая и теперь сидевшая за столом просто из любопытства, внимательно наблюдала, как пришедший дядя, взяв деревянную ложку, стал есть, прихваливая, надоевшие ей ши.

— Как дела в группе? — спросил Васькин.

— Да, вроде пока нормально, — ответила Надежда Ивановна и стала коротко, скупо рассказывать о делах группы за последние дни. Слушая ее, можно было подумать, что разговор идет о каком-нибудь обычном общественном поручении, а не о сборе разведывательных данных о враге, распространении листовок и многом другом, за что фашисты, если только узнают, расстреливают без суда и следствия.

— Во Взглядах, — неторопливо рассказывала она, — расположилась танковая часть. Все машины, а их около тридцати, тщательно замаскированы. Но два танка стоят открыто около дома в центре деревни. По-видимому, в нем — штаб этой части. К этому дому близко никого из мирных жителей не подпускают. Ни во Взглядах, ни

в Волоте зенитных батарей не видели. Побывали мы с Анной Кузьминичной в Шимском районе. Там воинские части расположились в деревнях Подгощи, Ручьи, Солонишко... За последнее время замечено движение воинских частей из Старой Руссы в сторону Шимска. Двигаются они через Волот и наши деревни...

— Вы ходили в соседний район с Занной, а у нее же семеро на руках, — с озабоченностью спросил Павел Афанасьевич. — На кого же она их оставляет?

— У нее старшая подросла — моя ученица, ей уже шестнадцать.

— Все же не следует ее брать в такие походы.

— Я ей это же говорила, а она и слушать не хочет. «Что я, — говорит, — хуже других, чтобы в кустах отжигиваться». Она ведет себя смело и, возможно, даже излишне рискованно.

— Хорошо, я поговорю с ней, — пообещал Васькин и с интересом спросил:

— Надежда Ивановна, что нового удалось узнать о лагерях военнопленных?

— С обоими лагерями у нас установлена связь, все 200 листовок, что вы мне дали, распространены среди военнопленных, — стала рассказывать Кознина.

— В Волотовском лагере находится около тысячи человек, а в Рно — двести. В ужасных условиях они живут. Солдаты и офицеры размещены в холодных, неотапливаемых сараях и полуразрушенных зданиях, обнесенных колючей проволокой. Кормят два раза в день. Утром дают 200 граммов хлеба и воды, а в обед — баланду из неочищенного и плохо вымытого картофеля, иногда кидают в котел необработанную требуху. Люди истощены, многие умирают от сыпного тифа, дизентерии и непосильного труда. Больных и наиболее истощенных, расстреливают. Был случай, когда комендант лагеря в Рно — Вилли дал команду выкинуть на снег четырех больных красноармейцев. Все они замерзли. В этот же день были расстреляны двое военнопленных, попавшихся заступиться за этих больных.

— Эти факты мне известны, — остановил Кознину Васькин, — вы лучше расскажите, с кем сейчас держиваете в лагере связь?

— Как вы уже знаете, военнопленных гоняют каждый день на железнодорожную станцию разгружать и загружать вагоны. Здесь я, толкаясь среди других женщин, и познакомилась с двумя из них. Один назвался сержантом Сидоровым, второй — рядовым Ивановым. Они и распространяли листовки среди своих товарищей. На последней встрече Сидоров предупредил, что подготовил группу в шесть человек для побега в лес к партизанам. Он просил подсказать, куда лучше им бежать. Я сообщила ему адрес, что вы мне тогда дали. А Иванов остался — готовить новую группу к побегу.

— Сидоров — высокий блондин, на щеке две родинки? — уточнил Васькин.

— Да, это он.

— Я хочу вас порадовать, — оживляясь произнес Васькин, — Сидоров с товарищами уже в партизанском отряде и неплохо воюют. Надо военнопленным сообщить, что их товарищи, ушедшие к партизанам, уже участвовали в бою, а Сидоров за храбрость и умелые действия получил благодарность от командира отряда. Пусть узнают это все и подумают...

Когда Васькин стал собираться уходить, Кознина, волнуясь, заговорила:

— Павел Афанасьевич! Что же это получается. Федоровский — член нашей организации, а согласился работать старостой?

— Понимаете, Надежда Ивановна, это для нас очень хорошо. Теперь мы о фашистах и их холуях знаем значительно больше, чем раньше, все их приказы, планы и все другое мы узнаем через этого старосту.

— Но он же все фашистские приказы выполняет. Его и звать-то везде стали не иначе как «немецкий холуй»... А когда я ему сказала, что подпольщику так вести себя нельзя, он обиделся и сослался на вас: мол, вы ему посоветовали так поступать.

— Он что-то недопонял. Придется с ним переговорить, — прощаясь с хозяйкой, встревоженно проговорил Васькин.

На снимке: семья Заниных (снимок 1940 г.). В центре Анна Кузьминична — активная подпольщица Городской подпольной группы. Расстреляна фашистами в феврале 1942 года. Награждена орденом Отечественной войны I степени (посмертно).